

821.512.122-1/4

ЖТС 354

КАШЕКЕЙ ЖАРМАГАМБЕТОВ

Бағалары

КАЙНЕКЕЙ ЖАРМАГАМБЕТОВ

Баллады

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Алма-Ата

КАЗАКТЫҢ
МЕМЛЕКЕТТІК
КӨРКЕМ ӘДЕБИЕТ
БАСПАСЫ

Алматы

КАЙНЕКЕЙ
ЖАРМАГАМБЕТОВ

Батылдары

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

*Художественной
Литературы*

АЛМА-АТА 1958

БАЛЛАДЫ

Притихли все, насторожились крайне,
Уткнулись носом, каждый в свой блокнот.
Смекают: сногшибательная тайна
Поправит пошатнувшийся доход...
Мао Цзе-дун, поняв уловки эти,
Обвел глазами сборище писак
И, задержав на ленинском портрете
Любовный взгляд,

ответ свой начал так:

— Народ Китая несравним по силе,
Когда он цепи рвет... И потому
Мы от соседа пушек не просили
И тайный договор был ни к чему.
Но помощь — есть,

и в этом нет секрета.

Такая помощь нам всегда нужна.
В миллионы раз — прошу заметить это —
Сильнее бомбы атомной она...

Он сделал паузу в короткой речи
И посмотрел на втянутые в плечи,
Как под бомбежкой, кочаны голов,
На лица, передернутые косо,
На выраженье главного вопроса:
«О, что за сила у большевиков?»

Одни — гадать пытались, а другие,
Любители сенсационной лжи,
Уже пустили в ход карандаши:
«Сверхмощное оружие из России...»

Мао Цзе-дун закончил речь свою,
Как шашкой с маху рубанул в бою
— Вооружившая народ Китая
В его борьбе за счастье мирных лет,

Полученная нами без утаек,
Открыто, как весенний яркий свет,—
Вот помощь эта! —

Мао гордо поднял
ТОМ ЛЕНИНА —

Вот наша мощь сегодня!

МАЛЕНЬКИЙ МСТИТЕЛЬ

Поверхность белопенного Днепра
Переливалась блеском серебра.
Сидели с невеселой думой люди
В лесу
У партизанского костра.

Уже слегка порозовел восток,
Когда случайно к ним
На огонек
Забрел из леса маленький мальчишка.
Он долго слова вымолвить не мог.

И рад бы он о чем-то рассказать,
Но крупная горячая слеза,
Как скорбный признак боли и утраты,
Мальчишке затуманила глаза.

Сидели партизаны на земле,
А он стоял в рассветной легкой мгле.
С волнением рассказал он,
Как фашисты
Бесчинствовали в занятом селе.

Когда фашисты ворвались в село,
Отец лежал:
Болеет он тяжело.
Но от жестокой варварской расправы
Его, однако, это не спасло.

Под сапогом фашистского солдата
Погибло все,
Что было в жизни свято.
И до утра не утихало пламя:
Горели все разграбленные хаты.

Враги прошли здесь —
Сабли наголо,
И вырезали ночью все село.
И мать мою ударили в грудь саблей.
Из раны
С кровью
Молоко текло.

Братишку моего схватил солдат
И бросил в дом,
Что был огнем объят.
И никогда я в жизни не забуду,
Как умирал в жестоких муках брат.

Всех злодеяний их не перечесть.
Я понял:
Мне один лишь выход есть.
С беспечным детством я на век расстался,
И мною овладела только месть.

Я сам себе сказал:
— Не плачь!
Молчи!
Пусть от тебя заплачут палачи!
И днем я за селом
В лесу скрывался,
А возвращался к дому
Лишь в ночи.

А мать, отца и брата
Поутру
В объятья отдал буйному Днепру.
И он похоронил их под волнами,
Что в даль уходят,
Пенясь на ветру.

Обрушивался Днепр на берега.
Ведь и ему отчизна дорога.
И волновался он,
Как будто ярость
Хотел излить на злобного врага.

А я следил за пенистой волной,
Охваченный всего одной мечтой:
Пусть лучше от руки врага погибну,
Чем быть мне одиноким сиротой.

И на высоком,
На крутом яру
Стоял я долго молча на ветру.
И в том, что отомщу за все фашистам,
Я клятву дал великому Днепру.

Я знал,
Что у отца в саду лежат
Запрятанные несколько гранат.
И вечером,
Когда совсем стемнело,
Пробрался незаметно я в наш сад.

... Потом гляжу:
В окошке яркий свет.
Еще недавно был здесь сельсовет.
Теперь беспечно здесь враги пируют.

Ну, думаю, вы не уйдете!
Нет!

Бесшумно я к окошку подхожу,
Поднялся на завалинку,
Гляжу...
И чувствую,
Что вдруг мне стало страшно,
И весь,
Как в лихорадке,
Я дрожу.

Не выйдет, видно, из меня бойца!..
Накурено,
Не разобрать лица.
Но я в одном фашистском офицере
Узнал убийцу своего отца.

И сразу
Без следа
Исчез мой страх.
Теперь убийца у меня в руках!
Не будет больше убивать и грабить,
Не будет ночи проводить в пирах!

Швырнул в окно я несколько гранат.
Вот вам отец!
Вот мать!
А вот вам брат!
И слышу, как забегали фашисты,
Их сапоги по улице стучат.

Но к лесу я,
Спокойствие храня,
Бегу,

Держась подальше от огня.
Вдогонку мне,
Свистя, запели пули.
Но ни одна не тронула меня.

Вот, наконец, и леса я достиг,
К сырой земле,
Как к матери,
Приник.
А там, в селе,
Всю ночь враги не спали:
То выстрел долетит,
То чей-то крик.

Замолк мальчишка.
Лишь в густом бору
Гудят деревья грозно на ветру
Да слышно,
Как, обрушивая берег,
Гуляют вольно
Волны по Днепру!

МАТЕРИНСКАЯ МЕСТЬ

Был беспокоен Тихий Дон,
Вскипал волною серебристой,
Как будто тоже видел он,
Что гнали в плен людей фашисты

Не в состоянье понимать,
Что происходит здесь,
Ребенок,
Перед собою видя мать,
Ей улыбался из пеленок.

Ведь если только сердца нет,—
Не разорвется грудь от боли:
Лишь появился он на свет,
И оказался он в неволе.

Вел малыша в неволю путь.
А он смеялся,
Щуря глазки.
Ему была бы только грудь
Да капля материнской ласки.

Ему не страшно ничего.
Нет ни страданья,
Ни печали.
Враги не видели его
И смех его не замечали.

Чтоб сын скорее мог уснуть,
Мать шаг свой приостановила
И, обнажив тугую грудь,
Его в дороге покормила.

«Иди скорее!» —
Крикнул ей
Фашист,
Идущий с нею рядом.
«Скорей, проклятая!
Скорей!» —
И подтолкнул ее прикладом.

Взметнулась пыль со всех сторон,
Собравшись черной грозной тучей.
Разбушевался Тихий Дон,
Гремел волной своей могучей.

Поднялся вихрь на берегу.
Казалось даже,
Что природа
Решила тоже мстить врагу
За все страдания народа.

Но вот фашист спустил курок
И прострочил из автомата.
Упала женщина у ног
Осатанелого солдата.

Раздался только тихий стон,
А палачу вдруг стало жутко,
Когда в крови увидел он
В объятьях матери
Малютку.

Его бы не могла гроза
Так пригвоздить на этом месте,
Как мертвой матери глаза
С неистребимой жаждой мести.

Зверь с человеческим лицом.
Над беспокойным Тихим Доном
Он стал ходячим мертвецом,
На смерть огненные обреченным.

Сказало сердце мне,
Стуча:
— Ты не забудь картину эту.
Найди скорее палача
И призови его к ответу!

1944

МАТЬ И СЫН

Когда отец уехал на войну,
Оставив дома сына и жену,
Все сразу изменилось в старом доме,—
Он сразу погрузился в тишину.

Жена с утра уходит на завод.
За нею следом в школу сын идет.
А время все тянулось и тянулось,
И вот уже прошел почти что год.

По вечерам сын с матерью ему
Писали письма —
Каждый по письму,
Но от него давно уж нет ответа.
Молчит он —
Неизвестно почему.

Соседи знали то, что от отца
Им не дожждаться больше письмеца:
Соседям извещение вручили
О том,
Что он пал смертью храбреца.

Молчанием не обмануть сердец.
Стал понимать сынишка, наконец
(Недаром так внимательны соседи!),
Что больше не вернется к ним отец.

И он тогда решил один страдать:
Не надо, чтоб страдала тоже мать.
При ней он веселился беззаботно,
Чтоб даже виду ей не показать.

А мать давно страдала:
Почему же
Ей ничего не пишет с фронта муж?
(Соседи так внимательны к тому ж!)

И вот тогда решила твердо мать:
«Об этом сын пока не должен знать.
Пускай он подрастает беззаботно,
Я буду за двоих одна страдать!»

И часто,
Прогоняя грусть с лица,
Жена и сын погибшего бойца
Мечтали вслух о радостной минуте,
Когда они пойдут встречать отца.

По вечерам сын с матерью ему
Писали письма —
Каждый по письму.
А если кто-нибудь из них заплачет,
То говорит:
— Не знаю почему!

Так молча
Друг за друга
Сын и мать
Старались в одиночестве страдать.

И стойкость этих душ
Какие струны,
Слова какие
Могут передать?!

ГИТАРА

В лесу играла звонкая гитара.
Пел парень с девушкой.
Светила им луна.
Вдруг песня смолкла,
Словно от удара.
Раздался взрыв —
Так началась война.

Война и разлучила эту пару.
Солдат вернулся срочно в гарнизон.
Повесил на березу он гитару,
Ушел
И не вернулся больше он.

Листва желтела,
Снова зеленела.
Солдат ушел.
Он был красив и юн.
В лесу гитара больше не звенела,
Лишенная своих певучих струн.

А время проносилось серым волком,
Гитара вся рассохлась на весу.
Она не знала,
Что убит осколком
Ее хозяин
В этом же лесу.

А девушка ходила на задания
В глубокий тыл к фашистским палачам.
Ей часто место первого свиданья
Убежищем служило по ночам.

Она была разведчиком отважным.
Была в бою рука ее верна.
И вот в прифронтовом лесу однажды
Опять с любимым встретилась она.

Она стояла,
Сдерживая слезы,
А перед ней лежал солдат в крови.
Молчали ночь, гитара да береза —
Свидетели ее большой любви.

Ей так хотелось,
Смелой, стройной, юной,
Прийти сюда,
Окончив свой поход,
Когда гитара обретет все струны
И о любви, как прежде, запоет.

1944

ЛЕГЕНДА О ЧЕСТИ

Городок,
Затерянный в Карпатах,
Оказался у врага в плену.
И враги бесчинствовали в хатах
Тех, кто защищал свою страну.

К партизанам пробирались трое
Юных, смелых,
Думая о том,
Что погибнуть лучше,
Как герои,
Чем рабами возвратиться в дом.

Юноши стрелять умели метко,
И верна у каждого рука.
Юные герои
Из разведки
Часто доставляли «языка».

Партизаны как-то темной ночью
Ворвались в притихший городок.
Им разведка доложила точно,
Где их враг остановить не мог.

Взрыв на редкость выдался могучим,
Как по трижды сверенным часам
Взвился вдруг фашистский склад с горячим
К опаленным взрывом небесам.

За такое светопреставленье,
За гремучий этот фейерверк
Враг в жестокой злобе
Населенье
Диким пыткам в ту же ночь подверг.

Рыскали по всем лесным дорожкам
Патрули фашистских подлецов.
В камере с решетчатым окошком
Оказались трое храбрецов.

Дни прошли,
Как длинный серый свиток...
Вот сидит,
Сторонник крайних мер,
В полутемной камере для пыток
Изувер,
Фашистский офицер.

В камеру приводят утром рано,
Чтоб добиться от него речей,
Молодого парня,
Партизана,
Под конвоем псов и палачей.

Ни к чему, однако, все попытки.
Паренек не стонет,
Не кричит.
Стойко переносит он все пытки,
Он молчит.
Он, зубы сжав, молчит.

Словно непреклонным гордым видом
Говорит он:
— Мне неведом страх.
Я друзей своих врагам не выдам,
Хоть и жизнь моя у вас в руках.

И фашист невольно отступает
И отводит в сторону свой взор,
Так как он в его глазах читает
Не мольбу,
А смертный приговор.

Был удар внезапный и короткий,
Словно вдруг сверкнувшая гроза
Офицер тяжелой узкой плеткой
Погасил горящие глаза.

А боец —
Не просит он пощады —
Он стоит
Всевидящ, хоть незряч.
И его настойчивого взгляда
В ужасе не выдержал палач.

Два коротких пламени сверкнули,
И боец окончил славный путь.
Две
Фашистом посланные
Пули
Пламенем прожгли герою грудь.

А за первым
Привели второго.
Он стоит,
Не стонет,
Не кричит.
Не добились от него ни слова
Он молчит.
Он, зубы сжав, молчит

Третьего приводят.
Только третий
Телом к трупам двух друзей приник:
— Я погибну так, как умереть им
Довелось,
Иль вырву свой язык!

В тот момент,
Врагу смешав все планы,
Так, что все ж остался третий жив,
Смело налетели партизаны,
Незаметно город окружив.

Отгремела быстро канонада.
Был налет недолог,
Но горяч.
Ползая в ногах,
Просил пощады
У освобожденного
Палач.

Но услышал он:
— Нас было трое.
Из троих остался только я.
Принимали смерть свою мы стоя
И не умоляли мы тебя.

Ну, а ты?
Хоть ползая, прими ты
Смерть свою
И с нею свой позор.
Ты в глазах моих друзей убитых
Прочитал свой смертный приговор.

* * *

Городок,
Затерянный в Карпатах,
Снова расцветает по весне.
В городке все помнят о солдатах,
Что погибли честно на войне.

Поднялись березки четким строем,
Где гранитный памятник стоит,
Где в сиянье славы
Два героя,
Как живые,
Встали на гранит.

А над ними гордо реют птицы,
Пролетая зимовать на юг,
Вдаль,
Туда,
Где служит на границе
Их не посрамивший третий друг.

К сожаленью,
Не был я в Карпатах,
В городке карпатском я не жил.
Эту быль о трех друзьях-солдатах
Рассказал мне местный старожил.

1944

ПОЭТ И СМЕРТЬ

Легенду об этом не ветер
Занес в наш далекий аул,
Что много увидел на свете
И к нам, наконец, завернул.

Я слышал легенду об этом
От старца
С главою как снег.
Как смерть повстречалась с поэтом,
Поведал мне тот человек.

Он много увидел на свете,
И память об этом жива.
Слова не бросал он на ветер,
Я вам повторю те слова.

I

Однажды,
Вы верьте не верьте,
Немало прошло уже лет,
Жил-был не боявшийся смерти
Великий народный поэт.

Писал не от лени да скуки,
Кривить он душой не умел.
Имел золотые он руки,

Горячее сердце имел.
В аулах
За долгие годы
Немало увидел певец.
И в песнях поведал народу
Всю боль и надежду сердец.
Он часто в далеком походе
Встречал золотую зарю,
Мечтал о народной свободе
И пел:
— Я и смерть покорю!

А люди поэту внимали,
На жизнь раскрывали глаза
И видели ясные дали,
И вместе с поэтом мечтали
О том,
Чтоб настала гроза,
Чтоб в проблесках ясной лазури
Сверкнул ослепительный луч,
Чтоб взрыв освежающей бури
Очистил бы небо от туч.
Той песне,
Что к свету стремится,
Внимала большая страна —
И люди,
И звери,
И птицы,
И горькая степь,
И луна.

Внимали ей доли и горы,
И, к солнцу взлетев со скалы
Парящие в синих просторах
Властители неба —

Орлы.
Внимали ей дальние дали,
Зеленые листья берез,
И даже любимцы печали
Глаза утирали от слез.
Внимал ей убогий и сирый,
Чью боль и тоску не унять.
И крепкие духом батыры,
И старая слабая мать.
Он гордость будил у народа,
Отвагу будил у рабов,
К боям призывая,
К походам,
Чтоб сбросили цепи оков.

Он пел про народное горе,
Взлетая на крыльях орла,
И, чистому голосу вторя,
Народ восставал против зла.

II

Но что означает все это?
Как можно такое посметь! —
Решила поэта
К ответу
Призвать
Оскорбленная смерть.
Кто с ней потягается в силе,
Себе лишь накличет беду:
Сгниет его тело в могиле,
Душа будет в вечном аду.

Не зная про замыслы эти,
Поэт шел вперед и вперед.

А смерть уж расставила сети,
В которые он попадет.

Ш

Однажды
Без сна и покоя
Поэт проработал всю ночь.
Вдруг — гром у окна!
Что такое?
Задвижки оконные — прочь!

Явилась незваная гостья
И стала у края стола:
— Пойдем,
Отдохнешь на погосте.
Не ждал?
За тобою пришла!
— Как? Мне отдыхать?
Нет уж, брось ты.
Я занят.
Меня ждут дела!
Что может быть песни чудесней!
Без песни — вся жизнь моя
Прах.
— Ты лучше, поэт, не о песне
Подумал бы,
А о грехах!
— Вот ты,
Мне могилу копая,
Подумай сама про грехи.
Иди покопай.
А пока я
Успею закончить стихи.

На спор не хватило запала,
И смерть согласилась:
— Резон!
Пока она яму копала,
Работал над песнею он.

Вокруг было столько сюжетов
И столько волнующих тем.
Хоть смерть поджидала поэта,
О ней он не думал совсем.

IV

Одна наболевшая тема
Задела за сердце
Певца,
И начал писать он поэму
Про друга героя-бойца.
О том,
Как однажды Отчизне
Жизнь отдал бесстрашный орел,
Как принял он смерть ради жизни
И этим бессмертье обрел.
Смерть снова приходит.
Без стука.
Приходит, как в собственный дом.
И молвит поэту:
А ну-ка,
Бросай свои вирши,
Пойдем!
Но бросить стихи он не может.
Как бросить поэму он мог!
Тогда вынимает из ножен
Она свой кровавый клинок.
— Постой! —

Говорит он ей.—
Мы ведь
Всегда у тебя на виду.
Пока не закончу поэму,
С тобой никуда не пойду!
— Как так не пойдешь никуда ты?
Твое обещание ложь?
А кончишь поэму,
Тогда ты,
Скажи-ка,
Со мною пойдешь?
— Как кончу поэму,
Тогда я
Тебя, как сейчас, обману.
Страданием народа страдая,
Другую поэму начну.
Окончу поэму другую,
Для третьей я тему найду.
Всегда у народа в долгу я.
Ну, как я с тобою пойду?!
Меня ожидает немало
Еще не затронутых тем.
И зря ты меня ожидала,
С тобой не пойду я совсем!
Был смерти, пожалуй, от века
Подобный протест незнаком.
За дерзость
Она человека
Хотела ударить клинком.
— Зови ты хоть черта,
Хоть бога! —
Он вырвал кровавый клинок.
Да жаль,
Что попал только в ногу
И смерть он прикончить не смог.

Старуха вскочила поспешно,
А он кулаком ее —
Раз!
Да так,
Что у старой, конечно,
Посыпались искры из глаз.
Кого она позже встречала,
Тот видел:
Смерть стала косою,
Клинок навсегда потеряла
И ходит с обычной косою.

И черти в такой заварухе
Ей ногу спасти не смогли.
Пришлось для хромой старухи
Им срочно искать костыли.
С тех пор она бродит по свету
В обличье старухи больной,
А если завидит поэта,
Обходит его стороной.

НЕУКЛЮЖИЙ ОМАР

Омар подумал:

— Я джигит,

И мне ли пропадать от скуки?

Пусть весь аул заговорит,

Какой я мастер на все руки!

И вот он к мастеру идет:

Быть может, мастер мне поможет

Чтоб говорил вокруг народ:

«Он для искусства создан тоже».

В глазах у мастера испуг,

Вернее, просто удивленье:

— Вот шест, возьми-ка,

Милый друг,

Твори своё произведенье!

А сам подумал:

«Как ты скор!

Ну ладно, мне шеста не жалко».

Омар немедля взял топор,

Стал из шеста тесать он палку.

Задача, думал он, проста.

А палка, глядь,— как стебель розы.

Ни палки нет

И нет шеста,

Лишь в палке — колкие занозы.

Вертелся наш Омар ужом.
Потом, подумавши немножко,
Сообразил:
— Да тут ножом
Из палки можно сделать ложку!

Но только все же он не смог
Ни ложки сделать
И ни вилки.
Лишь «сделал» бойкий паренек
Из палки
Стружки да опилки.

В глазах у бедного испуг.
На стружки сел,
Как на подушку.
А мастер молвит:
— Милый друг,
Да ты весь шест изрезал в стружку!

Так заслужил Омар позор.
И он наказан был за дело:
Кто не умел держать топор,
Тот и работал неумело.

А к делу нужен свой подход.
Бери топор не ради скуки,
Чтоб о тебе сказал народ:
— Вот это золотые руки!

БАЛЛАДЫ ОБ АБАЕ

Страшная зима

Над степью сгущается черная тьма,
Гуляет над степью стихия сама.
И, словно сайгак заблудившийся, робок
Старинный Чингис, затворивший дома.

Гудит и проносится смерч снеговой,
Упрямы и неистовы катящийся вой,
Как будто так мало мук в моем крае,—
Лютует и крутится над головой.

Он все пожирает, тот старый злодей,
Спасения нет от него для людей.
Дома завалило по самые крыши.
Кто жив, кто погиб на сторонке моей?

И вьюгою заперты люди в тюрьму,
При вьюге и пища не впрок никому.
Всю землю завьюжив, все небо закрыла
И сеет не снег, а крошечную тьму.

Кружится пурга и несется вперед.
Великое горе над степью встает.
И лишь к одному Жидебаю порою
Печальный свой взор обращает народ.

Там лампа, мерцающая, горит в уголке.
Там тихо. С пером неразлучным в руке,

Абай в этот вечер сидит в Жидебае,
А горькие мысли его вдалеке.

Степь снежная. Темень. О жизни рассказ.
Старик, у которого скорбь вместо глаз.
Седая вдова, сирота бесприютный —
Все это встает перед взором сейчас.

И видит он дальше — ребенка в слезах,
Глаза потускневшие, голод в глазах.
На грудь к слабой матери голову клонит
И плачет. А в сердце у матери страх.

Кибитка в горах, где играет метель,
Могила — младенцу теперь колыбель:
Повешены мать и отец по приказу
Владельцев обширных и тучных земель.

Увидел табунщика он, батрака,
Чьи кони летели в струях ветерка.
Теперь он, несчастный, остался под снегом,
И ржущий табун поглотили снега.

Увидел застрявший в степи караван.
Верблюды стоят на коленях. Буран.
И люди лежат. Кто домой возвратился,—
Не знаю. Огромен степной океан.

Увидел в лохмотьях сплошных чабана,—
Морозом целован не раз докрасна,—
И сжатый кулак его, поднятый к небу:
«Какую беду ты послал, сатана!»

Увидел красавиц с разбитой душой —
Тихонько друг с другом делились тоской,

Порог охраняя какого-то бая,
Как скрыться, не зная, от доли такой.

Тут бая увидел спесивого он,—
Доносчик тот был и еще пустозвон.
Напившись кумыса гнедой кобылицы,
На всех клеветал он, ничем не смущен.

Увидел другого — и тоже скота,
Менявшего жен, как стоянок места.
Казаха и русского — всех предавал он,
Чья мысль благородна и совесть чиста.

Певца он услышал над ширью песков,
«Слова из заплаток да из лоскутков».¹
Народ презирал, возносил пустомелю
Певец, что во власти минувших веков.

Увидел бредущего он в кандалах,
Что жаждал свободы всем баям на страх,
Чья грудь наполняется мстостью и гневом,
И вера пылает в бесстрашных глазах.

Так ночью обширный беседует край.
С поэтом, мол, истину жизни познай,
Все тайны страданья и горя народа,
Что долго копились и бьют через край...

А жизнь караваном огромным текла,
Поэт, воспевай этой жизни дела!
И замер Абай на дороге, мечтая,
Судьба чтоб наставника в жизни дала.

Все спали в ауле. Кругом ни души.
С кем мыслями здесь обменяться в глуши!

---

¹ Из знаменитого стихотворения Абая.

Но все, что он видел,— опять пред глазами
И требует снова: «Поэт, поспеши!»...

Вдаль смотрит в глубоком раздумье Абай.
Да разве же есть у фантазии край!
И крылья прижал, как орел перед взлетом,
Как будто себе говорит он: «Взлетай!»

В степи еще воеет буран вихревой.
Он рвет свои волосы белой рукой.
Он инеем тонким все окна украсил
И черною их окаймляет чертой.

Как стонет весь мир, что бураном повит!
Дыханье мороза округу мертвит.
И стонет свободное сердце поэта
Под тяжестью горя, тоски и обид.

Нахмурился, сгорбился снова поэт,
И туча на сердце, и проблеска нет.
Он ищет мятежному сердцу покоя,—
Одною лишь русскою книгой согрет.

Утро Жлдебая

Весна. На земле разноцветный покров.
Дымок приплывает от дальних костров.
Аул еще дремлет. Лишь бродит в раздумье
Абай, на рассвете покинувший кров.

Он смотрит с любовью на милый Чингис,
На дальний Аркат, что в тумане повис,
На древний Краул, что похож на батыра,
Врага с высоты сокрушившего вниз.

О чем-то река говорит камышу,
Должно быть, о том, что, мол, вдаль я спешу.
Она, как девчонка, под звон своей шолпы¹
Бежит по равнине туда, к Иртышу.

От песен поэту в ночи не уснуть,
Теперь бы на родину песни взглянуть!
Волнуют стихи его русские так же,
Как утро волнует уставшую грудь.

Он с Пушкиным делится горем своим,
Раскрыв свою душу, беседует с ним,
Связав горожанку с казашкой степною
Единой печалью и горем одним.

И Лермонтов с ним — ежечасно, везде,
Как брат его, выросший в том же гнезде.
Плывет, удаляясь, поэзии лодка,
И весла их рядом на вешней воде.

Крылов говорил не однажды ему:
— Не нужно, пожалуй, пенять никому,
А так показать надо людям пороки,
Чтоб видимы каждому были уму.

И Гоголь пред ним и еще Салтыков
Смеяться велят над толпой дураков.
Невежд и тупиц, и чиновников местных, —
Разить их сатирой, как сталью штыков.

Встал рядом Белинский, и с жаром в груди
Он стал говорить, что заря впереди:
— Родился народ настоящим народом,
Буди же бесправных казахов, буди!

---

¹ Ожерелье, состоящее преимущественно из золотых и серебряных монет, которое привязывается к волосам девушки.

БАЛЛАДА ОБ УЧИТЕЛЬНИЦЕ

Я помню, как школьную сумку впервой
Надел я на плечи ребячьей рукой,
Засунув в ту сумку тетрадь, карандаш
И бабки побитые с леской льняной.

Я помню, как робко за партой сидел,
С каким удивленьем на карту глядел,
Как тихо учительница подошла,
С улыбкой сказала, чтоб я не робел.

Я помню... Они взволновали меня,
Слова ее первые этого дня!
— Сперва мы учить будем русский язык, —
Сказала она, посмотрев на меня.

Мне видятся снова: чуть вздернутый нос,
Тюрбан из пушистых, светящихся кос
И вечер, тот памятный вечер, когда
С ресниц ее падали капельки слез.

Она мне казалась самой красотой,
С единственным пятнышком, родинкой той,
Что резко чернела на белом лице,
Что просится в песню сегодня — воспой!

Из русской столицы, из дальних краев.
Несла она светлое знание свое.
Далекий, мечтавший о счастье аул,
Как первую ласточку, встретил ее.

Она не чуждалась пройти по домам,
Чтоб теплое слово сказать старикам
И чтоб научить их блюсти чистоту.

Я помню, она приходила и к нам.
Урок прогуляешь — приходит домой,
Стыдит перед всеми. Но если больной —
И первую помощь окажет тебе,
И сказки весь вечер читает с тобой.

Родители часто, с собранья придя,
Хвалили за что-то ее, только я

Был молод тогда и не слушал речей,
Не помню их точного смысла, друзья.

Быть может, раскрыла в тот день кулака,
Что в нашей артели таился пока.

А может, она прочитала доклад,
Доклад тот хорошим был наверняка.

Однажды мы дружною стайкой детей,
Решив, по наивности детской своей,

Что можно без спроса прийти, и пришли,
Явились мы в ночь новогоднюю к ней.

И видим: с гитарой в руках, но грустна
И светлых каких-то раздумий полна,
Мечтами к далеким местам уносясь,
Сидит у стола неподвижно она.

Заметила нас, раздеваться велит.

Добро, мол, пожаловать — нам говорит.
А мы у порога гурьбою стоим,
Понятно, у нас был растерянный вид.

Поспешно она поднялась от стола,
В просторную горницу нас провела.
Оставила там на минутку одних.
И сразу неловкость забыть помогла.

Печную заслонку прикрыв поплотней,
Она возвратилась из кухни своей
И нам подала небогатый альбом,
В нем карточки детства хранились у ней.

Пока мы сидели, листали альбом,
Она со стола убирала. Потом
Читала нам вслух новогодний рассказ,
Раскрыв посредине заложенный том.

3

...Сокольники. Вечер под Новый год.
По улицам снежная вьюга метет.
А в доме детей беспризорных молва:
— Сегодня к нам Ленин на елку придет.

А елка пушистая под потолок!
На самом верху голубой голубок,
Что вырезан Катей. Девчонке лет семь,
А голубь ее всех вниманье привлек!

— Приедет ли он? На дворе канитель...

— Машине его не пробиться теперь...

— Нет, раз обещал, то приедет Ильич!

Его не задержит любая метель,—

Сказал воспитатель, седой большевик.
И, сердцем предчувствуя радостный миг,
Поверили все. И увидели вдруг:
Свет фар сквозь замерзшие окна проник.
Ильич, перейдя через двор поскорей
И с валенок снег обмахнув у дверей,
Разделся в передней и быстро прошел
К взволнованно ждавшей его детворе.
Стояли ребята, игру прекратив,
Стоял воспитателей весь коллектив,
И елка сама перед гостем таким
Застыла, почтительно ветви склонив.
— По-моему, с лозунга Ленин начнет.
— Нет, все же какую-то речь поведет?
...— Кто знает из вас в кошки-мышки игру? —
Спросил он у беленькой Верочки вдруг.
И сразу был сломан молчанья ледок,
И поднялся лес торжествующих рук:
— Я знаю! Я тоже!
— Я знаю! И я!
Такая вокруг началась бегодня,
Что Лешу и Катю избрали с трудом,
За кошку и мышку со смехом приняв.
Вот Леша остался у елки в кругу
И думает: «Я ли поймать не омогу!»
Но Катя смеется, за кругом она,
Ребята ее хорошо стерегут.
Вот Леша, как кошка, бросается к ней,
Да только она оказалась хитрей:
Схватила за теплую руку вождя
И жалобно просит: — Спасите скорей...
С испугу прижалась к нему, вереща.
И дрогнуло сердце в груди Ильича.
Он девочку поднял и поцеловал,
А Леша стоял и смущенно молчал.

В тот вечер играли еще и еще,
И весело было играть с Ильичём.
Вдруг Катя сказала: — Оставайтесь у нас...
Задумался Ленин. Кто знает — о чем?
Кто может великие думы постичь?
— Оставайтесь! Оставайтесь! — подхвачен был
клич.

— Я с вами, ребята, везде и всегда,—
Серьезно и просто ответил Ильич.
Потом оказалось, что белый Мороз
Из темного леса подарки привез,
И Ленин по просьбе Мороза того
Сам каждому толстый пакет преподнес.
Но разве детей утомляет игра?
К делам Ильичу возвращаться пора.
Он выбрал момент и покинул ребят.
Машина тихонько ушла со двора.
В кровати, где кукла уткнулась ничком,
Спит Катя, щеку подперев кулачком,
И видит себя на руках Ильича,
И все аплодируют им с Ильичем...

3

Учительница, тихо кончив рассказ,
Вздыхнула и грустно взглянула на нас.
Потом, побледнев, отвернула лицо,
И капельки слез покатались из глаз.
Мы только что были с Катюшей там...
Сокольников все еще грезилась нам —
И вот друг на друга с тревогой глядим,
Молчим, удивляясь неожиданным слезам.
— Да что же случилось? Узнать бы скорей,—
Гадали мы, робко толпясь у дверей.
— Я после скажу...— обещала она,
На этом в ту ночь и простились мы с ней,

— Как плохо закончился вечер у нас...
— Быть может, ее растрожил рассказ
Про девочку эту? — А может, она
Москву и друзей вспоминала сейчас?
— Тоскует, наверно: четвертый ведь год
В ауле у нас одиноко живет.
— А может быть, вспомнила траурный день,
Когда с Ильичем расставался народ?
Так спорили мы и все каялись в том,
Что, видно, некстати пришли в ее дом.
Потом, наконец, разошлись по домам,
С надеждою завтра узнать обо всем.
Назавтра она нам читала урок,
В глазах, как и прежде, горел огонек.
Вчерашние слезы — загадка, секрет,
Никто разгадать их причины не смог.
Лишь годы спустя мы узнали о том,
Что Катей, игравшей с самим Ильичем,
Была Катерина Петровна, что нам
Она прочитала о детстве своем.

МЕХ

Искусный мастер,
Наш кузнец,
Известный всем старик Махмуд
Решился тоже, наконец,
Механизировать свой труд.

Однажды
На виду у всех
Он что-то в кузницу принес.
И вот сменил старинный мех
На электрический насос.

Из кузницы убрал весь сор
И приступил к своим делам.
А мех он выбросил во двор
Как никому не нужный хлам.

Подметил правильно народ,
Что с глаз долой —
Из сердца вон.
Про старый мех за целый год
Ни разу и не вспомнил он.

Но как-то раннею весной,
Когда столица вся в цвету,
Поехал наш кузнец с женой,
Чтоб отдохнуть,

В Алма-Ату.
Хоть он и старый человек,
Все дни по городу бродил.
Был на спектакле «Кыз-Жибек»,
К друзьям, к знакомым заходил.

И по совету тех друзей
Потом решил зайти с женщи
Он в краеведческий музей,
Чтоб встретиться со стариной.

Ходил он долго там.
И вдруг
В одном из залов,
Как на грех,
Ему попался старый друг,
Когда-то выброшенный мех.

Кузнец простился с ним.
И вот
Поехал вновь в родной колхоз.
Его теперь не мех там ждет,
А электрический насос.

В музее и сейчас стоит
Как экспонат
Кузнечный мех.
Машина,
Странная на вид,
У многих вызывает смех.

А это вовсе не смешно.
Над чем смеется человек?
Мех, правда, устарел давно,
Но честно отслужил свой век

Он людям послужил,
Как друг:
И без него,
Еще вопрос,
Имели б мы обычный плуг
И электрический насос?

**ИЗ СТИХОВ
РАЗНЫХ ЛЕТ**

СЕРДЦЕ ГЕРОЯ

Настал спокойный вечер поздний,
Вокруг ночная тишина.
Сверкают радостные звезды
И смотрит с завистью луна
На счастье юного джигита,
Который с девушкой стоит...
«Меня, родная, подожди ты»,—
Казах любимой говорит.
Ходил на фронте он в разведку,
Была крепка его рука.
Не раз
То силою, то сметкой
Захватывал он «языка».
А тут робеет он,
Не зная
Причину этих перемен.
Казаха юного
Родная
Взяла, как видно, прочно в плен.
И он сказал ей,
Прижимая
Подругу к сердцу своему:
«Тебя, как сердце, дорогая,
Не уступлю я никому!»

ТОСКА СОЛДАТА

Кто я такой?
Простой степной казах.
Не знал я только, что такое страх.
Все остальное в жизни я изведаль,
Все проходило на моих глазах.

Мне дым походов боевых знаком,
Я видел, как горит наш мирный дом.
Я в прорубь падал в лютые морозы,
Я путь себе прокладывал штыком.

Лежал в снегу в окопах на бугре,
Варил солдатский ужин на костре
И отбивал атаки темной ночью,
Чтоб снова в путь пуститься на заре.

Как русский
Я в России воевал,
Как украинец
Киев защищал.
Героем и меня называли тоже,
Когда прошел я сквозь сражений шквал.

На Волге,
На Днепре
И у Карпат —
Везде мои друзья-герои спят.

Питался часто я совсем не хлебом,
А мужеством и честью,
Как солдат.
А сколько их,
Врагов моей земли,
Что от меня в сраженьях полегли.
Ведь я в боях почти четыре года
Был от аула милого вдали.

Но не нужна мне памятника медь.
Не надо маршам в честь меня греметь.
Я представитель славного народа,
Мне вместе с ним в бессмертие лететь.

Война прошла.
Стою в Берлине я.
Цветет здесь благодатная земля.
Но все ж я по родной земле тоскую --
Меня зовут
Родимые края!

ДОМБРА

Берлин уснул.
Вечернею порой
Сидел среди друзей джигит-герой.
И пели в лад бандуры и гармошки
Со звонкою казахскою домброй.

Их слушая,
Берлин совсем затих.
Порою в музыку врывался стих,
Как будто это степи Казахстана
Пленяли песней путников своих.

Был в песне блеск озерной бирюзы
И эхо затихающей грозы.
Джигит звучать по-новому заставил
Бессмертный, жгучий кюй¹ Курмангазы.

Потом запела грустная струна
О том,
Как вдруг нагрянула война,
И как в стране советской всколыхнулась
Великая народная волна.

О том,
Как выходил на бой джигит,
О том,

¹ Кюй — музыкальное произведение.

Как, наконец, был враг разбит.
О том,
Что город над великой Волгой
Как символ славы родины стоит.
И песня устремлялась в синеву
О том,
Как мы сражались за Москву,
Как то,
О чем мечталось нам в окопах.
Солдаты увидали наяву;

Как мы освобождали города,
Как холодна днепровская вода,
Как горяча была вода на Шпрее,
Где мы врага разбили навсегда.

В поверженном Берлине
До утра
Звенела казахстанская домбра
О том, что могут отдохнуть солдаты
И что настала мирная пора.

Берлин затих.
На утренней заре
В росе деревья,
Словно в серебре.
Свое отговорили пулеметы
И слово предоставили домбре.

КОГДА Б Я БЫЛ...

Когда б я был могуч,
Как ураган,
Что может опрокинуть океан,
Его в Бетпак-Далу я перенес бы,
Чтоб был пескам
Источник жизни дан.

Когда б я был,
Как ураган, могуч,
Рукою мог бы я достать до туч,
К Бетпак-Дале чтоб тучи повернули,
Где иссушает землю солнца луч.

Когда бы я рекой бежать мог с гор,
Я б переполнил чаши всех озер,
Чтоб влага оросила всю пустыню
И оживила солнечный простор.

Когда бы я был малым ручейком,
Я сквозь утес пробрался бы тайком
И напоил водой сухие степи,
Которым вкус прохлады незнаком.

Когда бы я пробился,
Как родник,
То я бы в степь безводную проник,
Я извинился бы за опозданье,

Отдав пескам всю влагу,
Как должник.
Я бы в песках заставил бить фонтан,
Я перенес бы в степи океан,
И степи зацвести бы я заставил,
Когда бы мне такой размах был дан.

Тогда б я людям заявил о том,
Что я готов стать даже их рабом,
Чтоб только лучше им жилось на свете
И чтоб стучалось счастье в каждый дом.

Но я и так,
Как человек,
Могуч,
Могу своей рукой достать до туч.
Я реки дам немеряной пустыне,
Маршрут им указав от горных круч.

И нет уже давно сомнений в том,
Что станет степь теперь моим рабом,
Чтоб лучше мы могли бы жить в пустыне
И чтоб стучалось счастье в каждый дом.

Сухую землю влагой наделя,
Добьемся мы,
Что зацветет земля.
И, вдохновляя нас на новый подвиг,
ЦК народ поздравит из Кремля.

МОЛОДОЙ ЛЕС

Степь слепит голубизною:
Ни грозы,
Ни ветерка.
И раздолье в этом зное
Было только для сурка.

А теперь иное дело.
Степи здесь орошены,
На просторе скачут смело
Молодые скакуны.

Жизнь идет широким трактом.
Трактора выходят в ряд.
Девять солнц на каждый трактор ---
Девять лемехов горят.

Трактора в любом ауле
Распугали тишину,
Степь вверх дном перевернули,
Поднимая целину.

С лесом
В степь пришла прохлада,
Где гулял песок пыля.
В недрах спрятанные клады
Раскрывает нам земля.

Золотое море хлеба
Не иссохнет в знойной мгле.

Мы не ждем чудес от неба,
Наше чудо —
На земле.

Наше чудо —
То, что сами
Мы в пустыне создаем:
Называют чудесами
Новый сад
И водоем.

Это то,
О чем мы даже
Раньше думать не могли:
С ветром спорит дуб
На страже
Отвоеванной земли.

Не страшны пески сухие,
Не подвластна им земля,
Где наперекор стихии
Гордо встали тополя.

Суховею не пробиться,
Ветер сникнет на лету:
Лес стоит,
Как на границе
Пограничник на посту.

Пусть в пустыне опаленной
Разрастется лес вольней.
Это край мой,
Обновленный
Волей партии моей.

МАЛЮТКА

Малютка
Без заботы, без печали
В объятьях матери растет.
Его бы только тихо покачали.
Малыш других не ведает забот.
Не ищет ни богатства он,
Ни счастья.
Живет он припеваючи,
Шутя.
Не надо ни карьеры
И ни власти,
Ничем не обольщается дитя.
Где друг,
Где враг —
Ему какое дело!
И от опасностей всех матерью храним,
С улыбкой руки он протянет смело,
Пусть даже смерть стояла б перед ним.
Расти ты беспечно и беспечно,
А вырастешь,
Смотри, не забудь,
Что слава твоего народа вечна,
Наследником ему достойным будь.

ЖЕЛАНИЕ

Ты недоволен:
Время, мол, не ждет.
Иной нетороплив:
Пускай не ждет.
А тот
(Имеются, конечно, и такие)
Горюет:
Время медленно идет.

Есть тайное желанье у меня:
Пусть время, как скакун,
Летит, звеня.
Его бы обогнать,
Достичь того, что
Зовут мечтою завтрашнего дня!

НАДЕЖДА

Хоть как бы ни бывало в жизни плохо,
Когда последний вздох уж недалек,
Но все ж и до последнего мы вдоха
Храним в душе
Надежды огонек.

* * *

За желанием — другое возникает,
И мы уже все счастье видим в нем.
Желание лисой вдали мелькает,
А мы ее преследуем орлом.

ЧВАНСТВО

Вообразил, что он — начальство,
А сам остался не у дел.
Ведь чванство,
Так же, как бахвальство,
Одних лишь мелких душ удел.
Но все ж придет к нему прозренье.
Он будет каяться опять,
Когда народного презренья
Ему уже не избежать.

БЕЗ ДРУГИХ И ТЫ НИКТО . . .

Если ты себя считаешь лучше всех,
Если хочешь быть все время на виду,
Приписать себе готов чужой успех,—
Значит, жди к себе в конце концов беду.

Лучше вовремя заметить свой порок,
Раньше, чем он стал посмешищем,
А то
Будешь и среди людей ты одинок.
Но учти, что без других и ты никто.

Лишь тогда, бесспорно, ждет тебя успех,
Если будешь с коллективом ты в ладу,
Должен оставаться скромным среди всех,
Кто желает отвести твою беду.

Друг от меня скрывал мои пороки.
Такая дружба мне не дорога.
Нам скрытый друг,
Нечестный и жестокий,
Вредит сильнее открытого врага.

А сколько с болью в сердце узнавало
В час испытания,
Кто враг наш и кто друг.
Неизлечима рана от кинжала.
Что друг тебе
Вонзает в спину вдруг.

Так, говорят, креста боятся черти,
Признайся,
Что хватил ты чересчур.
Ты до смерти, мой друг, боишься смерти
И потому печален так и хмур.

О смерти ты не думай,
Действуй смело.
Пусть смерть боится нас, наоборот.
За честный труд,
За праведное дело
Бессмертьем наградит тебя народ.

СОДЕРЖАНИЕ

БАЛЛАДЫ

Ответ Маэ Цзе-дуна. Перевод Л. Скалковского	7
Маленький мститель. Перевод А. Николаева	10
Материнская месть. Перевод А. Николаева	15
Мать и сын. Перевод А. Николаева	18
Гитара. Перевод А. Николаева	20
Легенда о чести. Перевод А. Николаева	22
Поэт и смерть. Перевод А. Николаева	27
Неуклюжий Омар. Перевод А. Николаева	34
Баллады об Абасе:	
Страшная зима. Перевод К. Ваншенкина	36
Утро Жидебая. Перевод К. Ваншенкина	39
Баллада об учительнице. Перевод Л. Кривошекова	41
Мех. Перевод А. Николаева	47

ИЗ СТИХОВ РАЗНЫХ ЛЕТ

Сердце героя. Перевод А. Николаева	53
Тоска солдата. Перевод А. Николаева	54
Домбра. Перевод А. Николаева	56
Когда б я был... Перевод А. Николаева	58
Молодой лес. Перевод А. Николаева	60
Малютка. Перевод А. Николаева	62
Желание. Перевод А. Николаева	63
Надежда. Перевод А. Николаева	64
За желанием — другое возникает. Перевод А. Николаева	65
Чванство. Перевод А. Николаева	66
Без других и ты никто... Перевод А. Николаева	67
Друг от меня скрывал мои пороки. Перевод А. Николаева	68
Так, говорят, креста боятся черти... Перевод А. Николаева	69

Редактор В. Антонов.
Оформление художника А. Вяльцева.
Технический редактор К. Фаритденов.
Корректор Н. Веденичева.

* * *

Сдано в набор 30/VI-1958 г. УГ05009
Подписано к печати 5/VIII-1958 г. Изд. № 56
Формат 70×108^{1/32}—2,25 п. л.—3,08 усл. печ. листа.
(Уч.-изд. 2,07 л.). Тираж 7.000 экз.
Цена 2 руб. 10 коп.

* * *

Алма-Ата, Полиграфкомбинат Главиздата
Министерства культуры КазССР.
Заказ № 1510.

2 руб. 10 коп.

